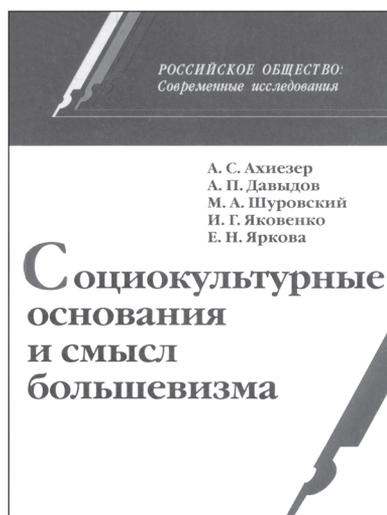

БОЛЬШЕВИЗМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТЕОРИИ*

Пожалуй, уже настало время основательного осмысления советского периода нашей истории. После крушения СССР прошло более десяти лет, появились идеи, концепции, позволяющие по-новому взглянуть на наше недавнее прошлое. Вместе с тем еще живы многие граждане бывшего СССР, которые хорошо знают и помнят его реалии, и это дает возможность быть более точным как в их оценке, так и в теоретических построениях. Но все-таки еще очень трудно быть научно беспристрастным и удержаться от того, чтобы не встать на позиции партии сторонников либо противников советского строя. Особенно, когда речь идет об оценке такого политического явления, как большевизм.

Авторы рецензируемой монографии решили обстоятельно заняться критикой большевизма. При этом они отдают должное его

тесной связи с особенностями истории и культуры России, а возникновение связывают с ситуацией социокультурного раскола общества между ценностями традиционной и либерально-модернистской культуры, господством эмоционально-инверсионных механизмов принятия решений, а также с недостаточной способностью общества оказать решающую поддержку альтернативным, незакрепленным традициями вариантам динамики власти и общества (с. 19). Эти аспекты в свое время получили освещение в социокультурной теории А.С. Ахиезера, которая и стала методологической основой данного исследования.

В работе, состоящей из пяти частей, последовательно рассмотрены предмет исследования и его концепция, проблемы социокультурных реалий российского общества, предпосылки развития большевизма и развитие либерализма, вопросы нравственности, и в итоге дана оценка большевизма как социокультурного феномена.

В качестве предмета исследования определено взаимодействие партии большевиков и общества, причем каждая сторона дана в динамике. Показан противоречивый характер большевизма, стремившегося «овладеть обществом, навязать ему свои смыслы, которые партия подслушала у народа». Имея дело с влиянием докапиталистических структур, он пытался «оседлать историю», выступать выразителем прогрессивной «исторической необходимости», но, столкнувшись с внутренними и внешними вызовами, все больше прибегал к утилитарному манипулированию, множа противоречия между провозглашаемыми целями и реальным положением дел в стране.

Чтобы понять глубинные мотивы политики большевиков, ее социальные, культурные, исторические основы, авторы обратились к условиям возникновения

* Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 610 с.

и развития революционного движения в России. Они категорически отвергают возможность классового подхода, полагая, что в нашей стране были лишь условия. Да и вообще, классовая концепция марксизма себя не оправдала: в развитых странах произошла интеграция рабочих в средний класс, а в большевизме она была лишь средством «идеологического осмысления, не имеющим под собой реального основания» (с. 109).

Однако вряд ли следует полностью отбрасывать классовую концепцию. Просто не нужно забывать, что теоретические, абстрактные положения — «класс в себе», «класс для себя» и т. п. — позволяют вычленивать лишь отдельные стороны исследуемых социальных явлений, которые сами по себе являются более сложными, «объемными», соединенными многочисленными связями со всем социумом. С такой проблемой неоднократно приходилось сталкиваться в советский период. Наиболее наглядно это проявилось в литературе.

Попытки писателей показать рабочий класс в качестве авангарда советского общества, каким он должен быть в соответствии с официальными идеологическими установками, в большинстве случаев оказывались художественно неубедительными. Одним из первых это понял А. Фадеев, сжегший рукопись своего романа «Черная металлургия». В 60—70-е годы прошлого столетия литература «отклонилась» в деревенскую тему, оказавшуюся очень плодотворной. Было опубликовано немало замечательных повестей и романов, но тут возник вопрос, а как рабочий класс, почему не удается на столь же высоком художественном уровне раскрыть эту тему? Стали проводить всесоюзные конкурсы на лучшее произведение о рабочем классе. Но писателям все как-то не удавалось схватить суть проблемы, показать реального, а не плакатного труженика. И только приморский писатель А. Плетнев, 25 лет проработавший горняком, в ставшем широко известным романе «Шахта» обратил внимание на то, что современный рабочий своими корнями по-прежнему связан с крестьянским происхождением. Как раз эта связь является источником его лучших человеческих качеств.

В 80-е годы в СССР была опубликована серия романов зарубежных писателей о рабочем классе, которые подтверждают мысль о том, что человек труда — не абстрактный «гегемон», а всегда частица своего народа и сын своего времени, имеющий собственный взгляд на свою судьбу, и тот самый средний класс (все-таки класс!), к которому его причисляют некоторые современные социологи.

Возвращаясь к монографии, отметим, что значительное место в ней уделено анализу складывавшихся в России в течение веков социокультурных условий и их влиянию на большевизм. Отмечается важная роль догосударственных, идущих от общины традиций, особенно традиции сопротивления крестьянского мира попыткам государства модернизировать страну, включить его в «большое общество», неотъемлемыми атрибутами которого являются город, рынок, кредит, разрушающие прежние патриархальные отношения между людьми. Так как в 70-е годы XIX в. возможности экстенсивного развития в центральной части страны исчерпали себя, то переход к новым формам организации жизни был объективно необходим. Крестьянская же среда отвечала на это активизацией архаичных пластов сознания, представлений манихейского типа о бескомпромиссной борьбе полярных сил — добра и зла, воплощением которых считали традиционные ценности и модернизаторские новации. В крестьянской стране революция, по словам С. Франка, стала «все-российской пугачевщиной начала XX века».

Рабочие России также выступали носителями архаичного сознания, что, по мнению авторов, не позволяет видеть в них опору более прогрессивного посткапиталистического общества, как это должно быть по теории марксизма. Такие рабочие ненавидят государство и склонны к беспорядкам. В книге

прослеживаются, начиная с отдаленного прошлого, народные антигосударственные интенции, присущие различным преступным элементам, активизирующимся во время бунтов. В советское время неосознанный протест масс выливался в хулиганство и массовые беспорядки. Все это оценивается как влияние догосударственной архаики. Но здесь может быть и другое объяснение. Во-первых, преступность является отрицательной обратной связью общества, она многогранна, но ее политическая составляющая не так уж велика. Во-вторых, дело скорее всего не в догосударственной архаике, с течением времени ее влияние неизбежно ослабевает, а в более поздних и соответственно более актуальных событиях, связанных со становлением и развитием государственности в России.

Вначале это была принципиально иная государственность, отличная от хорошо известного нам самодержавного строя. Существовало своеобразное древнее «гражданское общество», в котором князья приглашали на службу, а при необходимости заменяли более достойными. Позже, в XV—XVI вв., Россия развивалась как свободное и сравнительно прогрессивное общество, об этом пишет Янин¹, пока не произошел «самодержавный переворот», с которого началось массовое закабаление народа властной верхушкой, обращение его в крепостное рабство. В народной памяти надолго сохранились воспоминания о свободной, вольной жизни, и глухой протест против существующего режима временами вырывался наружу. Не случайно революционную борьбу в России, как и в некоторых других странах, стали называть освободительным движением.

В современном гражданском обществе право на протест является общепризнанной демократической нормой. Вряд ли следует отказывать в этом праве нашим предкам, оказавшимся под гнетом деспотического правления, и делать акцент на связях протестных движений с архаикой или какими-то криминальными сообществами. Хотя бандит, разбойник действительно может выступать как двойник власти, «комплиментарная ей сущность», особенно, когда он грабит богатых и таким образом выполняет функцию редистрибуции (с. 126—127).

Связывая редистрибуцию с традициями жертвоприношения, авторы пытаются еще раз подкрепить свой тезис о влиянии на российское общество догосударственной архаики. В действительности же редистрибуция не только очень раннее, но и всеохватывающее явление. Оно свойственно любому коллективу, семье и обществу в целом, включая современное. Это не какой-то архаичный пережиток, а один из базовых элементов социальной регуляции.

Ведущей социокультурной предпосылкой большевизма и его наиболее важной особенностью авторы считают утилитаризм. Сначала он возник в крестьянской среде и был связан с ростом потребностей. Большая часть крестьян стремилась повысить свое благосостояние в рамках замкнутого локального мира, по возможности уклоняясь от поддержки большого общества и государства. Это отражало борьбу «традиционного крестьянского космоса» с «ядром нового культурного космоса — городом» и «экономическим ядром большого общества — рынком». Меньшая часть крестьян, наоборот, активно включалась в товарно-денежные отношения и объективно была заинтересована в модернизации страны и укреплении государства. Аналогичные процессы развивались и в рабочей среде. В результате усилился раскол между умеренным и развитым утилитаризмом, воплощением последнего стал либерализм. Большевики оказались выразителями интересов социальных слоев, противостоящих развитому утилитаризму. Претендуя на власть, они стремились повести за собой все расколотое общество. В достижении целей большевики показали себя мастерами утилитарного манипулирования массами. Таково ядро, еще раз употребим это слово, авторской концепции.

Насколько обоснованно рассматривать социальные процессы, предшествующие возникновению большевизма, через призму утилитаризма? По сути это больше технический термин, который подходит для рассмотрения каких-то отдельных аспектов жизни общества, связанных с потребностями, достижением конкретных политических целей, осуществлением управленческих решений. Его роль не соответствует масштабам проблемы. Существование таких систем, как «крестьянский космос», а позже городской зависит от комплекса природных, социокультурных, политических факторов. Утилитаризм лишь проявление некоторых из них, части, противостоящей целому. На это обычно указывают противники утилитарного подхода, когда он начинает выходить за пределы частных вопросов и разрушающе действовать на социальное целое. Время, как правило, подтверждает их правоту. И так ли уж были неправы большевики, когда выражали интересы противников утилитаризма?

В качестве культурной предпосылки большевизма в книге рассматривается интеллигентский утилитаризм, развившийся под влиянием идей «просветительского утилитаризма, связанного с утопическим социализмом». В связи с ростом массового утилитаризма интеллигенция взялась за формирование языка, который смог бы в будущем объединить как носителей традиционной культуры, так и тех, кто в своем развитии вышел за ее рамки. Авторы видят в этом очень важный по своему значению способ преодоления раскола, позже взятый на вооружение большевиками.

Несомненно, роль интеллигенции в прогрессе цивилизации очень важна. Но, на мой взгляд, ее функция в формировании языка, спланивающего расколотое общество, преувеличена. В отношении письменного литературного языка — да, это ее сфера деятельности, но она была ограничена узким кругом грамотных людей. Основная же масса населения в процессе своей ежедневной практической деятельности самостоятельно и вполне успешно преодолевала социальные и культурные барьеры. Русские люди не только между собой, но и с «убогим чухонцем» и немцем-управляющим всегда находили общий язык. Что касается позиции большевизма в отношении языка, то это специальная тема, требующая отдельного рассмотрения.

Далее говорится о том, что утилитаризм будто бы генетически присущ интеллигенции. В ходе модернизации общества она играет роль «середины» между элитой и народной массой: транслирует ее идеи, занимается профессиональной деятельностью, связанной с умственным трудом, в качестве учителей, врачей, юристов, инженеров, служащих. Она ориентирована на материальное и социальное благополучие. В российских условиях «вторичной», «догоняющей» модернизации возник разрыв между европейски ориентированной элитой и традиционалистской, консервативной массой. Интеллигенция оказывается между ними. Новации отвергаются массами как чуждые, вредные. Тогда интеллигенции приходится брать на себя слишком трудную для нее роль генератора идей.

Интеллигенция отдает предпочтение более близким ей идеям традиционализма, почвы, преклонения перед народом. Популистский социализм как альтернатива официальной идеологии вступает с последней в конфликт. Часть интеллигенции становится на путь революции и борьбы за власть. В условиях раскола страна оказалась между двумя суперцивилизациями — традиционной и либеральной. Это наложило отпечаток на характер деятельности русской интеллигенции, начавшей на основе утилитаризма, позволявшего соединять традиционные и либеральные смыслы, продуцировать «гибридный» тип культуры. Чтобы как-то сгладить ее двойственность, она стремилась идти по пути редукции, вытесняя все, что ей мешало (с. 213—220).

Здесь, похоже, русская интеллигенция предстает в образе ее западного аналога — интеллектуалов, прагматичных узкопрофессиональных специалис-

тов, не учитываются их принципиальные различия. В России принадлежность к интеллигенции изначально предполагает стремление к значимой общественной роли, активное участие в судьбе своего народа. На первом месте у нее отнюдь не утилитарные мотивы, что характерно для интеллектуалов, а высокое стремление посвятить отчизне «души прекрасные порывы». На этой же почве происходит ее конфликт с властью (палачами «свободы, гения и славы»), разворачивается борьба за освобождение своего народа от самодержавной тирании и ее союзников, в том числе либералов, вклад которых в культуру, тем не менее, нельзя недооценивать. Отсюда идет «редукционизм» интеллигенции, вполне простительный по условиям того времени.

Авторы анализируют взгляды радикальной русской интеллигенции, в том числе разночинцев, как предшественников большевиков. Особое внимание уделено образу «маленького человека», подробно описанного в русской литературе XIX в. Это разночинец, живущий в своей «норке», страдающий комплексом неполноценности, приниженный, но способный на бунтарские поступки, в нем виден носитель локализма, архаизации общества, манихейской инверсионной культуры. В целом это не результат социального угнетения, как полагал Белинский, а проявление двойственности расколотой русской культуры, форма псевдосинкретизма. Разночинец, как его видят авторы, — «бывший крепостной, ставший городским жителем, но упорно цепляющийся за патриархальные общинно-крепостнические культурные стереотипы». Будучи вовлеченным в ускорившееся общественное развитие, он «начал активную деятельность за превращение большого общества в общество «маленького человека»». Получив образование, он становится представителем «плебейской» интеллигенции, противостоящей старой дворянской (с. 276—277).

В отношении «маленького человека» можно сказать, что его роль в обществе слишком преувеличена. Как литературный герой это, как правило, молодой человек со всеми сопутствующими возрасту комплексами и проблемами. Все это временно, в дальнейшем с ним происходит «обыкновенная история» социализации и включения в устойчивые общественные структуры. Явным преувеличением выглядит приписываемые «маленькому человеку» возможности распространения архаизации и противостояния большому обществу. В это можно поверить, если бы проблема новых горожан была нам знакома только из литературы XIX в. Но на памяти ныне живущего поколения более половины жителей страны переселились из деревни в город. Они быстро и довольно легко адаптировались к новым условиям и стали основной созидательной силой страны. Их достоинства — здоровье, физическое и нравственное, сила, трудолюбие — перевешивали те недостатки, которые они невольно принесли с собой. Из проявлений архаики можно было бы назвать коллективизм, но это не эхо прошлого, а одна из основных черт нашей национальной культуры, которая всегда помогала народу выживать в самых трудных условиях. И отнюдь не большевики были виновниками самого большого «экстрима», а свои и заграничные «развитые утилитаристы» сначала, сто лет тому назад, устроившие «небольшую победоносную войну» из-за «корейских дров», а потом еще две мировые войны.

Действительная проблема «маленького человека» глубже. Еще в древнем Китае это понятие означало «низкого, подлого человека». Сложность ситуации в том, что такие представители рода человеческого рассеяны во всех слоях общества. По сути она социальная, психологическая, нравственная, и отчасти решаема. Первое условие, на мой взгляд, — уменьшение социальной патологии, о чем в свое время говорил Писарев, а не сознательно ее умножать, как это происходит сегодня.

И о «большом обществе». Даже традиционная патриархальная Россия не была маленьким замкнутым мирком. Она располагалась на двух, а потом и трех

континентах и при этом достаточно эффективно управлялась. Внутри страны поддерживались постоянные торговые связи, росла экономическая роль городов. Частые войны, особенно Отечественная война 1812 г., вовлекали большие массы народа в события международного масштаба. Фактически государственная церковь постоянно поддерживала и ориентировала в нужном властям направлении единство именно большого, охватывающего всю страну общества. Граждане, в том числе «маленькие люди», были по отношению к нему вполне лояльны, но их не могли не беспокоить угрозы со стороны другого «большого общества» — капиталистического мира. Они не хотели, чтобы к гнету помещиков добавился гнет капитала, и были совершенно правы, с какой стороны ни посмотри, хоть из XIX в., хоть из XXI. Разночинцы, а вслед за ними и народник Михайловский хорошо понимали, к чему все идет: «Разночинец чувствовал, а часто даже и понимал, что процесс цивилизации, разумеемой в виде общих и отвлеченных категорий, совершается за счет народа, что водворение этих общих категорий (либерализма, например. — **Н.Р.**) подает народу камень вместо куска хлеба». Звучит очень современно. Чтобы народ не запустил этот камень во власть, сейчас в России в некоторых областях начали выпекать специальные сорта хлеба для бедных. Вот с чем мы пришли в «большое общество».

В истории предбольшевизма авторы особо отмечают факт его раскола, когда часть прогрессивных деятелей культуры отказалась идти одним путем с революционными демократами. Поворотным пунктом, по их мнению, был разрыв И.С. Тургенева с редакцией журнала «Современник», что отражало проблему цивилизационного выбора «между Пушкиным и большевизмом». Это был поворот от господства «маленького человека», архаики, локального мирка к необходимости «развития индивидуальных отношений, ценности личности, способности личности к самокритике и изменениям, выходу в новое смысловое пространство через медиацию, диалог» (с. 318, 324). Альтернативная линия прослеживается в элитарной художественной культуре неполитического либерализма, в частности говорится о творчестве А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, И. Гончарова, И. Тургенева, А. Островского, Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова. Проводится мысль о постепенной рационализации культуры и в подтверждение приводится высказывание Н. Гоголя о том, что «путь к Богу через эффективность, процент, обогащение светел». Действительно, «...это дико и невероятно слышать традиционному (и не только традиционному. — **Н.Р.**) уху даже сегодня» (с. 370).

Гоголь противоречит сам себе. Достаточно вспомнить «светлую» личность оригинального мошенника Чичикова из «Мертвых душ». Да и во всей нашей классической литературе кроме немца Штольца не так уж много последовательно рационалистичных персонажей. И это не случайно. На мой взгляд, фундаментальным фактом является нерационалистичность русской культуры. Примеры тому мы можем наблюдать ежедневно и на каждом шагу. Намек на эту нашу специфику дал А. Грибоедов своим «Горем от ума», но его как-то предпочитают не замечать. Между тем весь наш национальный опыт свидетельствует об отрицательных последствиях сугубо рационалистического подхода. Он ведет к серьезным проблемам, опасностям и катастрофам. Из недавней советской истории мы знаем, что наше счастье в том, что грандиозные замыслы, будь то формирование «нового человека» или поворот на юг северных рек, так и не удалось осуществить. Сейчас очередное «горе от ума» — самоубийственный (начавшееся в начале 90-х годов XX в. вымирание народа прямо на это указывает) либеральный проект.

О Пушкине, нашем национальном гении, следует сказать, что любая власть, не исключая нынешнюю, стремится приписать его к своему лагерю. Он только по счастливой случайности не оказался среди декабристов, а се-

годня его причисляют к сторонникам «светлого пути» как выразителя неполитического либерализма.

После сенсационного гоголевского поворота в судьбе неполитического либерализма — что уж тут говорить о политическом — критика большевизма в последующих главах уже не производит особого впечатления. Не всегда она и убедительна. Так, в главе, посвященной манихейству как логической предпосылке большевизма, утверждается, что инверсионное мышление в нашей стране является господствующим, и вообще Россия — манихейская цивилизация. Эти тезисы подкрепляются ссылками на приверженность большевиков учению о классовой борьбе, на их стремление формировать и поддерживать в общественном сознании «образ врага». Если бы манихейство в России действительно было очень распространено, то революции и перевороты следовали бы постоянно, как где-нибудь в Латинской Америке. У нас же социокультурная ситуация совершенно иная. Не манихейство, а безграничное терпение — основная черта нашего народа. Пользуясь его терпением, как раз и действовали захватчики власти, начиная с «самодержавного переворота» XVI в. до стрелков 1993 г. В Октябрьской революции 1917 г. власть, как говорят, валялась на дороге, большевики ее только подобрали.

В концентрированном виде авторская оценка большевизма дана в главе, в которой он рассматривается на фоне нравственной динамики. Попутно жесткую отповедь получает материализм. Ему противопоставлены внутренняя необходимость, «задаваемая субъектом самому себе», и приоритет культуры в деятельности людей. Хотя в современных условиях такое противопоставление выглядит довольно экзотично. Сейчас человечество уже осознано, что оно находится в одной тесной лодке, и она, как известно, материальна.

Судьба большевизма рассматривается через призму исторически присущих России форм нравственности и их изменение. За исходный взят вечевой идеал, отражающий архаичные, консервативные догосударственные общественные отношения. Позже вечевой идеал распадается на два вторичных — авторитарный и соборный. Первый отражал ценности локального мира и воплотился в авторитарном государстве. Переход крайней формы авторитаризма в тоталитаризм привел к появлению его противоположности — соборного идеала, стремления жить и действовать по-братски, как в большой общине. На практике в этом идеале обнаруживались свои недостатки, связанные с проявлениями локализма.

Усложнение общественных отношений вызвало к жизни появление утилитарного нравственного идеала. Он разрушающе действует на традиционную суперцивилизацию. Особенно острое противоречие складывается между умеренным утилитаризмом, соответствующим потребностям экстенсивного развития, и его развитыми формами, стимулирующими развитие личностных качеств и переход к новой, либерально-модернистской цивилизации. В 1917 г. произошел раскол между умеренным и развитым утилитаризмом.

Большевики, следуя ценностям вечевского идеала, тем не менее, под влиянием потребностей модернизации вынуждены были использовать утилитаризм, лавируя между его полюсами. Имея дело с расколотым обществом и будучи не в силах преодолеть этот раскол, они вынуждены были действовать в «СФЕРЕ МЕЖДУ» вечевым и либеральным идеалами, умеренным и развитым утилитаризмом, авторитаризмом и соборным локализмом (с. 431). Это создавало «потoki дезорганизации», вело к «хромающим решениям».

Стремление большевиков действовать манипулятивными методами дает основание авторам считать их не марксистами, а утилитаристами, которые вынуждены были постоянно приспосабливаться к обстоятельствам, прислушиваться к настроениям народа, опасаясь архаичных инверсионных выплесков с его стороны. Идеологически большевики пытались восстановить синкретизм,

свойственный архаичному состоянию культуры, что оказалось уже невозможно. В действительности это был псевдосинкретизм. Лавирование «МЕЖДУ» идеалами и их комбинациями неминуемо приводило политику коммунистической партии к провалам, пока в 1991 г. не наступил окончательный крах.

Отмеченные авторами социокультурные аспекты большевизма оказывали более или менее существенное влияние на его формирование и судьбу. Но возмущение вызывают некоторые конкретные положения. Например, так ли уж велика была опасность влияния архаики? Сила вечевоего идеала особенно мощно проявилась в 1917 г. и в первые годы советской власти. Но очень скоро на смену митинговой стихии пришла устойчивая система советов, которая стала организационной формой, соответствующей соборному идеалу, идеалу коллективного самоуправления. Потом верх взял авторитаризм, который и стал ведущей, но отнюдь не архаичной формой организации власти.

Критика советских идеалов также кажется преувеличенной. У народа в те годы все-таки был общий, объединяющий его достойный социальный идеал — труд. Власть если пыталась как-то корректировать официальную идеологию, то не столько из-за противоречивости идеалов, которым хотела следовать, сколько из-за очевидных расхождений собственных прежних установок с реалиями жизни.

Оппозиция коммунистической идеологии в виде «массового критического шепота тех или иных групп людей», следует признать, не сыграла роль «смыслообразующего диалога миллионов», который давал возможность переосмысливать «сложившиеся нравственные идеалы и границы между ними» (с. 441). Это связано с нерационалистическим характером культуры, отсутствием опыта свободной жизни и «размерами» страны («шепот» в столице был едва слышен на окраинах). Да и слишком все было зажато. Террор, скромно называвшийся «необоснованными репрессиями», сыграл немалую роль: до конца своих дней режим жил на проценты от 37-го года. Только в наиболее развитом и близком к Западу регионе — Прибалтике — диалог миллионов людей стал заметным общественным явлением, приведшим к восстановлению национальной независимости.

Слишком ограниченным кажется представление о России как о застрявшей цивилизации. Видимо, дело не только в трудностях перехода от одной суперцивилизации к другой, а в кризисе всей мировой системы, обозначенном такой вехой, как первая мировая война, когда стало ясно, что человечество подошло к опасной черте и надо срочно искать альтернативу существующему порядку вещей. Ее и предложили большевики, совершив Октябрьскую революцию. Архаика вовсе не была сутью этого сдвига, а уравнивающим следствием слишком резкого рывка вперед. Как свидетельствует мировой опыт, именно так общество реагирует на попытки революционеров и реформаторов радикально изменить его положение и возникающие в этой связи трудности.

Отдельная глава посвящена рассмотрению большевизма с позиций социокультурной теории и методологии. В ней много интересных подходов, относящихся к оценке функционирования большевизма как специфического сообщества-субъекта. Его возникновение справедливо связывается с потребностью общества дать ответ на угрозу своему существованию. Далее говорится о его трансформации в структуру «партия-государство», кстати, позже получившую распространение в молодых развивающихся государствах, о связи культуры и организации, явлении дискомфорта, которое возникает у общества в условиях дезорганизации, и т. д. Все это, как и прежде, увязывается с расколом, влиянием архаики, склонностью большевиков к инверсии.

Само большевистское сообщество-субъект рассматривается как вождь «архаичного антигосударственного бунта» (с. 513). Мне совершенно иначе представляются историческая роль и смысл большевизма.

Выход большевиков на широкую политическую арену был обусловлен конкретной исторической ситуацией. Надо представить себе Европу в драматический для нее период первой мировой войны: на западе и на востоке от моря и до моря протянулись сплошные ряды окопов и траншей, в которых находились миллионы солдат враждующих государств и без устали занимались взаимным уничтожением. Вначале националистический угар как-то оправдывал эту мировую бойню. Но после нескольких лет окопникам стало ясно, что цели кровопролития далеки от провозглашавшихся, что оно очень выгодно многочисленным «развитым утилитаристам», наживавшимся на военных поставках и спекулятивных сделках, и что нужна не победа, которая их еще больше обогатит, а кардинальное изменение существующего строя. Свержение царизма в России дало шанс радикально настроенным социал-демократам во главе с Лениным попытаться решить эту задачу.

Октябрьский переворот в свете теории марксизма и контексте событий того времени рассматривался большевиками как начало мировой революции. Горючего материала было достаточно. Социальная суть борьбы была ясна всем ее участникам. Не зря зарубежные «утилитаристы» как огня боялись распространения «красной заразы». Конечно, у России был и свой специфический интерес — восстановление суверенитета народа, попранного царизмом. Влияние так называемого антигосударственного архаизма, если оно и проявлялось, было не столь велико: до самодержавного переворота Россия уже в течение веков имела собственную государственность. А вот обожествление царской власти, с которым она пришла к 1917 г., — это действительно архаика.

Но победить мировой капитал одним решительным натиском не удалось. Советская Россия оказалась во враждебном окружении. В стране, как в осажденной крепости, вместо свободы и демократии утвердились диктат и террор, новое крепостничество, а достигнутый социально-экономический прогресс был оплачен слишком дорогой ценой.

Образование «социалистического лагеря» давало некоторую надежду на победу в борьбе двух мировых систем — социалистической и капиталистической, однако ни дальнейшего расширения «лагеря» (единственное его приобретение — Куба), ни значительного роста влияния коммунистических идей не происходило. Таким образом, попытка глобального переустройства мира обернулась локализацией и постепенным отступлением коммунизма. Стремление советского руководства, с одной стороны, скрыть от народа эту гибельную для режима тенденцию или представить ее как дальнейшее победное шествие коммунизма, с другой — максимально и как можно более скрытно подготовиться на случай решающего военного столкновения с Западом стало постоянным источником невероятной лживости режима. Мы жили не в расколоте обществе, как пишут авторы монографии, а в обществе с двойным дном. Вся страна работала на военную машину и, чтобы приуменьшить этот факт, любая информация, имеющая малейшее отношение не только к вопросам обороны, но и к широкому кругу социально-экономических и политических проблем, засекречивалась или сознательно искажалась. Соккрытие информации облегчало властям и бюрократии контроль над народом и позволяло действовать в собственных, в том числе корыстных, интересах. Крайне негативную роль играла идеологизация всей жизни общества. Являясь формой ложного сознания, идеология вела от одного тупика к другому, что снижало жизнеспособность режима. Ведь «в обществе, которое культивировало самообман, невозможно принимать эффективные решения» (с. 535).

При всех огромных внутренних трудностях главная неразрешимая проблема Советского Союза была связана с общей болезнью современной цивилизации — милитаризмом². В 50-е годы прошлого столетия Хрущев попытался

начать разоружение, но оказалось, что сделать это, не разрушив экономику, совершенно невозможно. Проще было идти уже проторенным путем и под разговоры о мире продолжать соревнование с Западом в наращивании вооружений.

Как обычно бывает, от одной и той же болезни умирает слабейший, в гонке вооружений эта участь постигла СССР. Срок жизни ему был отпущен немалый, поэтому не скажешь, что неудача советского эксперимента была случайной. Скорее всего, преобразование мира должно было совершиться существенно иначе, чем представляли себе коммунисты в 1917 г. И, вероятно, дело не в том, что история на 1/6 суши пошла не тем путем: что произошло, то произошло, другого нам не дано, а в том, что по своим масштабам, сложности и длительности это более грандиозная и сложная задача. Большевизм был первой, радикальной, и потому крайне конфронтационной попыткой добиться поставленной цели. Сейчас Советского Союза нет, но проблема социального переустройства мира на основах социальной справедливости и гуманизма осталась. Так или иначе, борьба за ее разрешение будет продолжаться в современном глобализующемся мире.

Каждое заметное историческое явление, большевизм в том числе, дает нам образец, определенную модель человеческих отношений. Советское государство — явление невиданное в европейской истории и его легко счесть какой-то местной специфической аномалией. Между тем эта прикрытая демократическими одеждами бюрократическая идеократия по своей сути была ни чем иным, как хорошо известным на Востоке государством легистского типа. То же своего рода «горе от ума». В нем была гипертрофирована управленческая функция. Учет, контроль, планирование позволили бюрократии занять ключевое положение в стране. Строгая регламентация, казарменная дисциплина в сочетании с усиленным «промыыванием мозгов» и жестокими наказаниями за проступки сделали жизнь в таком обществе не просто дискомфортной, а временами совершенно невыносимой. Примерами крайнего проявления легизма в новейшей истории стали маоистский Китай и полпотовская Кампучия.

Запад показал нам другую модель организации общества — либерально-модернистскую, основанную на рыночных отношениях. Либералы очень заносчивы, считают, что они всего добились только благодаря личным заслугам, предприимчивости, ориентации на высшие достижения культуры. Прямо-таки «вечный двигатель», который ниоткуда ничего не потребляет. Если бы так! Сначала они отъедают непропорционально большую часть национального пирога, затем полученные силы используют, чтобы защищать и распространять дальше свои способности и возможности действовать таким же образом по всему миру.

Если во времена М. Вебера присущий капиталистам образ действий можно было объяснить с позиции протестантской этики, то сейчас хорошо видно, что у них в основе всего другое достижение культуры — ссудный процент. Сами деньги (без золотого содержания — чистая абстракция) стали товаром. Западный либеральный мир научился очень ловко и в огромных количествах делать деньги из денег, т. е. практически из воздуха, и потом получать за них реальные ценности. В конце концов, сформировалась мощная, бесперебойно действующая система, позволяющая перекачивать на Запад и к его спутникам ресурсы остального мира. Чтобы выжить в этом все сметающем на своем пути потоке, люди вынуждены трудиться более интенсивно, проявлять чудеса изобретательности, часто отказывать себе в самом необходимом.

Под давлением капитала достигается максимально возможный прогресс в любых областях. Но какова его цена? Человеку отводится роль «экономического животного», «запрограммированного» на производство и потребление. Разрыв в уровне жизни богатых и бедных стран постоянно растет и уже дос-

тиг катастрофической черты. «Золотой миллиард» страдает от ожирения, а остальной мир, Россия в том числе, — от голода и недоедания. Вопиющие несправедливости провоцируют экстремизм и его производное — терроризм. Сам Запад вынужден постоянно балансировать, чтобы удержать на плаву свою экономику. Важнейшая проблема здесь в том, что нужно куда-то утилизировать быстро накапливающиеся материальные и финансовые излишки, чтобы избежать перепроизводства и краха всей системы. Самое верное для этого средство — война, и Запад не задумываясь, используя любые предлоги, постоянно к нему прибегает.

В России либералы уже не раз себя дискредитировали. В годы первой мировой войны «развитые утилитаристы» показали себя алчными спекулянтами, наживающимися на страданиях народа. Но все, что они стяжали, пошло прахом. Причем не только из-за большевиков. Один из членов богатейшей семьи Стахеевых незадолго до Октябрьской революции оказался в Монако. В игорном доме Монте-Карло он спустил все свое миллионное состояние, создав заведению мировую известность, за что был удостоен пожизненной пенсии от владельцев. В постсоветский период история, можно сказать, повторилась. Источником баснословных состояний новых «развитых утилитаристов» стала грабительская приватизация. И вновь полетели на ветер легко добытые деньги. Р. Абрамович за несколько сот миллионов долларов купил английский футбольный клуб «Челси». Недавно его, российского госслужащего, губернатора Чукотки, объявили самым богатым человеком Великобритании, имеющим состояние в 13,32 млрд. дол.³ Ничего не скажешь, достойное «украшение» современной российской государственности...

Авторы монографии исходят из концепции, что все человечество в своем развитии переходит от традиционной к либерально-модернистской суперцивилизации. Сегодня хорошо видна ограниченность этой двухступенчатой модели. Все более явной назревает необходимость преодолеть вторую ступень и перейти на новый, более высокий уровень самоорганизации человечества. С этой позиции смысл большевизма мне видится как попытка побудить народы сделать этот шаг, хотя в тот период для него, вероятно, еще не сформировались все необходимые условия.

¹ Янов А. Россия: У истоков трагедии. 1462—1584: Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.

² После первой мировой войны преобладающим настроением во всех странах была решимость больше не допустить подобной трагедии. Но мировой экономический кризис 1929—1933 гг. показал, что без больших военных расходов и войн экономика неизбежно оказывается в тупике перепроизводства. С тех пор миру пришлось пережить еще одну мировую, а потом холодную войну и множество локальных войн. В США и СССР сформировались военно-промышленные комплексы, ставшие локомотивом милитаризованной экономики. В 70-е годы в СССР постоянно нарастали кризисные явления, пока в 1979 г. не обнаружилось, что развитие страны почти остановилось, тогда была начата афганская война, которая в значительной мере способствовала поддержанию экономического роста еще в течение десяти лет. Связь этих событий была хорошо видна с самого начала. А.С. Черняев в своих мемуарах также отмечает влияние экономических мотивов и интересов военно-промышленного комплекса на решение о вводе советских войск в Афганистан (А.С. Черняев. Моя жизнь и мое время. М.: Международные отношения, 1995. С. 292, 414). Аналогичным образом пришлось действовать США, развязавшим весной 2003 г. агрессию против Ирака. Совершенно очевидно, что ни борьба с терроризмом и защита демократии в далекой и очень богатой нефтью стране, а желание наконец, преодолеть длительный спад в экономике толкнуло американское правительство на этот шаг.

³ Утро России. Владивосток, 2004. 13 марта.

Н. П. РЯБЧЕНКО,
кандидат исторических наук